

# **ТРАДИЦИОНАЛИЗМ – ОСНОВА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА**

**TRADITIONALISM IS THE BASIS OF THE INSTITUTION OF SOCIAL  
RESPONSIBILITY OF THE KYRGYZ ETHNOS**

**УДК 101.1:316.37:316.612 (043.3)**

**Тургунбаева Д. М.**, соискатель, Жалал-Абадский государственный университет имени Б. Осмонова, г. Жалал-Абад

**Turgunbaeva J. M.**, [djamilya0770@mail.ru](mailto:djamilya0770@mail.ru)

## **Аннотация**

Исследование традиционализма института социальной ответственности кыргызского этноса является одним из малоизученных направлений современной философии. К настоящему времени социальная ответственность в теоретическом плане исследована весьма в незначительном объеме.

В исследовании использованы сравнительно-исторический анализ, цивилизационный подход, при котором анализ института социальной ответственности осуществляется с учетом цивилизационных особенностей кыргызской культурной традиции. В результате исследования проведен социально-философский анализ современного института ответственности кыргызского народа.

Результаты, полученные в исследовании, могут быть использованы при анализе института социальной ответственности, современной культурной ситуации в Кыргызстане в связи с ее эволюцией и с глубокими изменениями в менталитете кыргызского этноса. В условиях глобализации социальная ответственность является феноменом, который зависит от характера и уровня культуры кыргызского этноса.

## **Annotation**

The study of the traditionalism of the institution of social responsibility of the Kyrgyz ethnos is one of the poorly studied areas of modern philosophy. By now, social responsibility in theoretical terms has been investigated in a very insignificant volume.

The study used a comparative historical analysis, a civilizational approach, in which the analysis of the institution of social responsibility was carried out taking into account the civilizational characteristics of the Kyrgyz cultural tradition. As a result of the study, a socio-philosophical analysis of the modern institution of responsibility of the Kyrgyz people was carried out.

The results obtained in the study can be used in the analysis of the institution of social responsibility, the current cultural situation in Kyrgyzstan in connection with its evolution and with profound changes in the mentality of the Kyrgyz ethnos. In the context of globalization, social responsibility is a phenomenon that depends on the nature and level of culture of the Kyrgyz ethnos.

**Ключевые слова:** Ответственность, феномен, традиционализм, традиционное общество, институт социальной ответственности, традиционная культура, этнос.

**Keywords:** Responsibility, phenomenon, traditionalism, traditional society, institution of social responsibility, traditional culture, ethnos.

Начнем с указания на важное для нашего исследования обстоятельство, заключающегося в том, что подавляющую часть своей истории кыргызы существовали вне государства и, соответственно, вне государственных форм бытия. В соответствии с общепринятой в настоящее время точкой зрения кыргызской государственности насчитывается 2200 лет. Тем не менее, государства, которые создавались кыргызами в процессе истории или в которые они в силу различных обстоятельств входили, как правило, существовали относительно непродолжительное время. Обратимся к фактам. Кыргызскую государственность принято разделять на пять характерных этапов, первый из которых связан с истоками нашей государственности, уходящими в

III–I вв. до н.э., когда, судя по сохранившимся историческим сведениям, были образованы первое древне-кыргызское и древнеусуньское государства. Вторым этапом связан с рядом кыргызских государств, которые были сформированы в системе образовавшихся в раннее средневековье общетюркских государств. Принято считать, что пиком развития в данный период, приходящий на конец VII и начало VIII в. н.э., стал кыргызский каганат, расположенный вдоль реки Енисей, возглавляемый Барсбеком, а также IX в. н.э., когда кыргызский каганат, раскинувшийся от Монголии до Тянь-Шаня, был настолько могуществен, что этот период получил название «кыргызское великодержавие». Третий этап связан с борьбой кыргызов за выживание и провалившимися попытками восстановить утраченное собственное государство в период с XIII по XIX вв. Четвертый этап связан с Новейшей историей, когда кыргызы приобрели государственность в составе СССР сначала в виде автономной области в 1924 году, а несколько позже, в 1936 году, в виде союзной республики. И, наконец, пятый этап связан с обретением Кыргызстаном суверенитета, который был провозглашен Декларацией Верховного Совета КР 31 августа 1991 года [10, с. 9]. Таким образом, кыргызы большую часть своей истории, как это следует из вышеприведенной периодизации, существовали вне государства, а начиная с XIII и вплоть до 1924 года, т.е. практически около восьми веков, были практически лишены государства, несмотря на то, что часть кыргызских родов и племен входила в состав Кокандского ханства, представлявшего собой классическую восточную деспотию. К тому же, по мнению известного советского и российского археолога и историка, специалиста по Центральной Азии В.М. Массона, кочевым государствам была присуща «внутренняя слабость, приводившая в конечном итоге к их крушению и к смене этнических приоритетов в создании подобных систем. Жесткое утверждение новой политической структуры сдерживали родоплеменные правопорядки. ... Безусловно, слабым звеном было отсутствие развитого бюрократического административного аппарата. Заимствования в этой сфере у государств оседлого пояса сводились к

стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления» [7, с. 111]. Даже находясь в пределах государства, кыргызские роды и племена, тем не менее, не вносили каких-либо изменений в привычный, освященный веками образ жизни. Г.А. Мукамбаева пишет в данной связи следующее: «В нормативную систему енисейских кыргызов входили такие социальные нормы, как: обычаи... моральные нормы, религиозные нормы, эстетические нормы, правовые нормы... Власть общинного мнения у кочевых народов азиатской расы имела силу закона, такой она оставалась долгое время, вплоть до наших дней... У древних кыргызов соблюдение обычаев поддерживалось силой мнений старейшин, и к нарушителям применялись меры принуждения вплоть до применения в виде наказания смерти или принудительного изгнания из рода, что в те времена часто равнялось смерти, так как в чужой среде без пищи и поддержки трудно было выжить» [9, с. 225–226].

Кыргызы в пределах государства или вне его, свидетельствуют о том, что они строго придерживались традиционных форм жизни и своей родоплеменной принадлежности. Кроме того, кыргызский этнос практически всегда характеризовался относительной малочисленностью, которая усиливалась тем обстоятельством, что этнос был раздроблен на роды и племена, каждый из которых мог существовать и практически всегда существовал независимо от других кыргызских родов и племен. Подтверждение данной особенности можно найти неоднократно в эпосе «Манас», который, по сути, представляет собой летопись кыргызского народа, его память, представленную в поэтической форме и передаваемая из поколения в поколение. Так, в одном из эпизодов огромного эпоса описывается важное для дальнейшей исторической судьбы кыргызов событие, связанное с намерением Манаса, уже избранного кыргызами ханом, убедить старейшин в том, чтобы подчиненные им рода перекочевали из Алтая на Ала-

Тоо. На всенародном собрании Манас обращается к присутствующим со следующими словами:

«Стоявший сейчас народ,  
Дай мне ответ на вопрос.  
Вот что пришло мне на ум,  
На Кара-ТооАзирета  
Погорим (с вами)  
Пожелавшие, останетесь здесь,  
В Тарбагатай и Ара-Тоо  
На берег реки Эдил,  
Пойти, возглавив людей,  
Что за идея пришла в голову,  
Задумал я перекочевать,  
Перед вашим взором  
Кусарыш и Кобулун,  
С востока Шибер,  
Призываю пойти на  
неизведанные земли,  
Не буду давить на вас.  
На Алтае родные ваши земли,  
Переселиться на Андижан  
Позвольте нам!

Возжелавшие остаться, оставайтесь,  
Кто же хочет переселиться,  
пойдемте,  
Катаганы, доолесы, набаты,  
Многие кыргызы находятся здесь,  
Окчу и думара,  
Найманы и шанган также есть.  
Не буду порицать тех,  
Кто не желает перекочевать,  
Большинство из вас, решайте сами,  
Не буду настаивать, говоря,  
перекочевывайте.  
Те, кто возжелает, оставайтесь здесь.  
Сейчас здесь присутствуют  
На этом собрании самое малое  
Приблизительно шестисот  
старейшин,  
Если одобряете, скажите «одобряем»,  
Огласите решение!» [8, с. 291]

Из приведенной нами цитаты можно сделать вполне правомерный и справедливый вывод, что, несмотря на значительный свой авторитет перед кыргызами и несмотря на свои незаурядные качества, Манас, тем не менее, не имел права распоряжаться не только их жизнями, но даже волей и поступками, которые находились во власти старейшин соответствующих родов и племен. Если рассматривать данное обстоятельство в точки зрения исследуемого нами предмета, т.е. ответственности, то можно уверенно утверждать, имея в виду все вышесказанное, что отношения, непосредственно связанные с

ответственностью членов родов и племен, также регулировались внутри родов и племен, и при этом правила и нормы одних родов и племен ни в коем случае не распространялись на членов других родов и племен. Несколько позже мы непременно рассмотрим более подробным образом проблемы, связанные с регулированием отношений между различными кыргызскими родами и племенами, а сейчас попытаемся проанализировать то, на основании чего регулировались отношения ответственности внутри кыргызских родов и племен.

Одной из основных черт права кыргызского этноса, на которое естественным образом возлагалось регулирование вопросов связанных с ответственностью за совершенные проступки, является то, что оно, сформировавшись еще в древние времена, существовало форме обычного права (адата), т.е. целиком основывавшегося на обычаях.

Когда первые человеческие сообщества пребывали в состоянии первобытности, отношения, связанные с ответственностью, естественно, не могли регулироваться правовыми методами, поскольку право как таковое отсутствовало. Но как только оно возникло, на более высокой стадии общественного развития, первоначально в виде обычного права, т.е. права основывающегося на обычаях, ответственность внутри родов и племен стала регулироваться главным образом правом, хотя, разумеется, не только правом. По этой причине в дальнейшем мы будем рассматривать особенности института социальной ответственности кыргызского народа и специфику эволюции данного института именно в связи с правом, причем первоначально в связи с обычным правом, а в дальнейшем с новой правовой системой, которая берет свое начало в советский период истории и развивается в настоящее время. Поскольку данная работа имеет философскую, а не правовую направленность, то мы, конечно, будем анализировать социально-исторические причины того, почему право кыргызов тем или иным, а не особенности этого права.

Правовая система древних кыргызов, которая в определенный исторический момент стала именоваться адатом, характеризовалась чрезвычайной стабильностью или, вернее, консервативностью, не только неспособностью к эволюции, но и фактически отсутствием внутренней потребности к развитию. К слову сказать, указанная особенность характерна не только для обычного права кыргызов, но и для всей их традиционной культуры, существенные изменения в которой если и происходили, то главным образом в результате значительного внешнего влияния или даже давления, но не внутренней, вполне осознаваемой потребности и необходимости в переменах и преобразованиях. Консерватизм традиционной кыргызской общины носил, по сути, тотальный характер, что объяснялось одновременным действием нескольких важных факторов. В первую очередь это, конечно, кочевой образ жизни или, если говорить, в более общей форме, принадлежность к кочевой форме культуры, которая в силу особенностей способов производства материальных благ по сравнению с культурами оседлых народов обладала гораздо более низким эволюционным потенциалом, способностью к развитию.

Практически постоянное пребывание на определенной фазе общественного развития, естественно, приводило к тому, что в традиционной кыргызской среде не претерпевали сколько-нибудь серьезных изменений и все традиционные общественные институты. Кыргызское право, как уже было сказано, целиком опиралось на обычаи. Последние, как известно, представляют собой помимо прочего, одну из древнейших форм накопления, хранения и трансляции практически любого рода опыта, передаваемого из поколения в поколение, а кроме того, от общества к конкретным членам социума. Для того, чтобы понять суть обычного права, необходимо понять природу самого обычая. Одним из наиболее распространенных определений обычаев в современной научной литературе является то, в соответствии с которым они являются ничем иным, как исторически сложившимися стереотипными формами и способами поведения, характеризующиеся

стандартизированными действиями, которые совершаются подавляющим большинством людей и постоянно воспроизводятся, по сути, в неизменном виде относительно продолжительное историческое время [6, с. 829].

Обычаи, как их определяет известный советский и российский правовед С.С. Алексеев, – «это правила поведения общего характера, исторически складывающиеся в силу данных фактических отношений и вошедшие в привычку в результате многократного повторения» [3, с. 180].

Роль обычаев независимо от того, как они трактуются, сводится главным образом к сохранению и устойчивому воспроизведению возникших в некотором отдаленном прошлом общественных отношений, что обеспечивает их отрицательное отношение на инновационной части культуры, которая, естественно, разрушает либо вытесняет собой в течение определенного времени традиционные элементы культуры. Слово «обычай» является не только родственным, однокоренным слову «обычный», которое означает – такой, как остальные, привычный, ничем не выделяющийся среди прочих, укоренившийся. В соответствии с таким пониманием слова «обычный» предназначение обычаев состоит не в последнюю очередь в том, чтобы сохранять общественные отношения и просто взаимоотношения между людьми внутри социума, которые складывались длительное историческое время и укоренились в их сознании в виде определенных идей, представлений, предпочтений, привычек, ценностей, поведенческих стереотипов и т.д. Обычаи, поскольку они складывались и укоренялись длительное время, с огромным трудом сходят с исторической сцены. С другой стороны, обычаи, в силу их важности, понятности для их носителей и доходчивости, сами по себе являются, по сути, основным регулятивным инструментом в традиционном обществе, которые могут как прямым, так и косвенным образом регулировать отношения, связанные с тем числе с ответственностью членов традиционной общины. Обычаи в традиционном кыргызском обществе, как, впрочем, в любом классическом традиционном обществе, играли роль, куда более важную, чем связующего и укрепляющего материала. Повседневная жизнь



людей, их ежедневные заботы, интересы, проблемы и поведение в той или иной мере опирались на обычаи либо находились в подчиненном положении по отношению к ним. Следует указать на то, что обычаи и традиции в традиционном обществе, особенно если оно весьма малочисленно, имеют абсолютный характер в том смысле, что последнее без них совершенно нежизнеспособно, поскольку сообщество, все члены которого находятся в той или иной степени взаимного кровного родства, явно предпочитают формальным правилам обычаи и традиции, вызревшим внутри кровнородственной системы.

Таким образом, обычаи имеют ряд атрибутивных черт, каковыми являются их историческая и культурная преемственность, постоянное их воспроизводство, обеспечивающее их повторяемость и устойчивость, которые в свою очередь обеспечивают их авторитетность, поддерживаемую всем общественным укладом, и укорененность как в общественном, так и индивидуальном сознании. Несмотря на то, что по своей природе обычаи имеют консервативный характер, они, тем не менее, характеризуются также и относительной гибкостью, обусловленной преимущественно здравым смыслом и необходимостью, стоящей перед конкретным социумом, встраиваться от конкретную историческую ситуацию. Постоянное воспроизводство механизма, обеспечивающего работу и жизнь определенных обычаев, достигается за счет того, что в основе общественного бытия находится некоторый набор общепризнанных норм поведения, которые, будучи не закрепленными формально, тем не менее имеют фактически силу закона, поскольку вкоренены в сознание индивидов и существуют в виде привычек, которые в свой черед появляются и закрепляются в сознании по причине длительного и постоянного воспроизводства определенных производственных операций и действий, а с ними и определенных общественных отношений.

Теперь коснемся в общих чертах вопроса, связанного с традициями, поскольку обычаи не существуют самостоятельно, а всегда вписаны в

определенный контекст в виде традиций, которые в соответствии с их определением находятся в основе традиционного общества. Они на деле представляют собой определенную сложную совокупность обычаев, обрядов, общественных норм и установлений, идей и ценностей, сложившихся у конкретного социума в процессе истории, передаваемых из поколения в поколение и придающих устойчивость данному социуму, сохраняющих его как отдельную самостоятельную и специфичную культурную и ментальную единицу.

Нетрудно увидеть, что в соответствии с представленным выше определением традиций обычаи являются их органической и неотъемлемой частью. Естественно, оба эти феномена не тождественны, поскольку часть по определению не может быть равной целому. Однако, если оценивать их с точки зрения реализации института ответственности в традиционной общине, то традиции, уже потому, что они включают в себя обычаи, а кроме них, определенные общественные нормы и установления, идеи и ценности играют большую роль, чем собственно обычаи. С другой стороны, последние, поскольку на них выстраивалось обычное право, играли соответственно специализированную роль в установлении и регулировании отношений, связанных с социальной ответственностью членов традиционного социума. Однако обычаи и обычное право в свою очередь не тождественны друг другу. Обе эти категории отражают различные этапы в общественном развитии, когда обычаи являются более ранней формой по отношению к обычному праву, разновидностью социальных норм, которые характерны для догосударственного периода развития общества, в то время как обычное право – это, по сути, «синтез древних обычаев с нормами, установленными и признанными властью в процессе вызревания государственных институтов» [12, с. 11], и, несмотря на то, что кыргызы большую часть своей истории существовали вне или без государства, обычное их право сформировалось окончательно, по всей видимости, «в процессе вызревания государственных институтов» в те исторические периоды, когда кыргызам удавалось создать

собственное государство. Дело в том, что само наличие государства, в котором общественные отношения существенно усложняются по сравнению с отношениями, характерными для замкнутых на собственной жизни родов и племен, требует узаконения определенных норм и стереотипов поведения, обеспечивающих более или менее единообразные общественные отношения внутри государства и его устойчивость. Однако для кыргызов после того, как обычное право сформировалось в качестве собственно права, регулировавшего в первую очередь вопросы социальной ответственности, дело тем и ограничилось. Мы указывали в начале данного раздела, что на протяжении почти семи веков вплоть до середины XIX века кыргызы существовали вне государства. В данной связи следует указать на то, что более или менее глубокие преобразования в традиционной кыргызской среде, в том числе в системе права, происходили, во-первых, в виде модернизации традиционного общества, а, во-вторых, главным образом не в силу внутренней потребности в них, а вследствие внешнего давления, исходившего от других народов.

Регулирование социальных и не только социальных отношений в общине на основе родословной близости, патриархально-родовых принципов и семейно-родовых связей при организации производственных процессов при коллективного использования пастбищ и т.д. осуществлялось посредством механизма, включавшим в себя обычаи и прочие элементы традиционного общества, члены которого строго следовали его предписаниям, нормам и поведенческим стереотипам, в которых был сконцентрирован социальный и прочий опыт общины. Исполнение этих предписаний и норм и следование определенным стереотипам, подкрепленное глубоким внутренним убеждением членов общины, поведение и поступки которых, их повседневная жизнь строго, практически ежечасно контролировались общиной, что, безусловно, существенно снижало уровень преступности внутри общины, что в свою очередь влияло на характер ответственности, которую несли ее члены и сводившуюся главным образом к тому, что провинившихся могли устыдить,

усовестить и т.п. Разумеется, при совершении серьезных провинностей применяли более серьезные меры; их мы проанализируем несколько позже. Однако основным контролирующим поведение индивидов инструментом было общественное мнение и мнение старейшин, наиболее авторитетных и близких лиц и т.д.

Даже когда часть кыргызских территорий в середине XIX века, т.е. немногим более полутора века назад, была присоединена к Российской империи, кыргызы не были единым этносом ни в политическом, ни в ментальном плане. Более того, некоторые роды и племена, борясь между собой за пашни, наиболее благоприятные для жизни земли, находились в состоянии взаимной вражды. Те же роды и племена, которые не враждовали между собой, не испытывали особой потребности в единении, поскольку все необходимое для жизни производилось внутри общины. А кроме того, они были рассредоточены на обширном пространстве, которое к тому же было насыщено сложным горным рельефом, что, конечно, затрудняло и без того слабую связь между ними. Все вышеуказанные факторы существенно снижали инновационный потенциал кыргызской культуры. Само собой разумеется, она, хотя бы и под воздействием соседних оседлых народов, была подвержена эволюции, поступательному развитию, которое, однако, происходило, повторим еще раз, чрезвычайно медленно. Общественные и межличностные отношения в пределах родов и племен по причине их весьма незначительной внутренней социально-имущественной дифференциации имели классический кочевой сословно-патриархальный характер.

Ко второй половине XIX века основной формой социальной организации кыргызского этноса была пастбищно-кочевая община, основной структурной единицей которой выступал аил, который образовывали две разновидности семей, первую из которых составляли семьи, родственные между собой, а вторую – семьи, не состоявшие в родстве. Последние, несмотря на то, что они, как правило, составляли меньшинство, тем не менее, вносили определенную новизну в традиционную кыргызскую среду, знаменую

собой переход в качественно новое состояние, связанный с эрозией классической патронимии и формированием классового общества. Однако в силу того, что кыргызы продолжали строго придерживаться прежнего образа жизни и обусловленного им способа производства, система кровнородственных связей внутри аила продолжала играть безусловно доминирующую роль, что способствовало сохранению патриархальных форм жизни и прежней примитивной правовой системы, а с ней и всех прежних институтов наказания и ответственности.

Предводители родов и племен, естественно, стремясь удержать за собой высокое общественное положение и привилегии, делали все от них зависящее, чтобы сохранить полную их автономию. Несмотря на то, что к концу XIX века в связи ограниченностью свободных пространств и под внешним влиянием достаточно большая часть кыргызов перешла к полукочевому образу жизни, сохранению родоплеменной структуры способствовала помимо прочего специфика хозяйствования, основывавшаяся на экстенсивной форме скотоводства. Все вышеуказанные факторы наряду с тем, что территориальные связи между кыргызами, принадлежавшими к различным родам и племенам, были весьма неустойчивы и носили, по сути, эпизодический характер, приводили к тому, что именно родоплеменная принадлежность, прошедшая многовековые испытания и гарантируя выживание кыргызов, характеризовалась даже к концу XIX века высокой степенью стабильности [2, с. 38–39], что способствовало глубокой консервации традиционных форм жизни, а с ними, конечно, и всех традиционных институтов и обычной системы права – адата.

Приблизительно к середине XIX века традиционная кыргызская среда стала подвергаться определенным изменениям в связи с процессом феодализации, который заметно усилил внутреннюю сословно-имущественную дифференциацию внутри традиционной общины. По этой причине адат, как и все остальные нормативные институты, стал адаптироваться под меняющуюся социально-политическую реальность,

приспосабливаясь, естественно, главным образом под нужды и требования наиболее влиятельных в родах и племенах сословий, родовой знати, которая в соответствии с самой логикой и законами общественного развития со времени должна была образовать уже не сословие, а класс крупных феодалов.

В связи с адатом следует обратить особое внимание на то, что рассматриваемые по нему дела не происходили по строго, раз и навсегда установленному порядку, и при этом, дела на дифференцировались, если использовать современную терминологию, на уголовные и гражданские, и таким образом сами проступки не различались по степени тяжести, а вернее, данная степень носила несколько условный характер. Авторитетный специалист по обычному праву кыргызов правовед С.К. Кожоналиев указывает на то, что обычное право кыргызов в совершенных проступках в подавляющем большинстве случаев усматривало гражданские правонарушения, ответственность за которые виновные лица несли в виде штрафа, который вздымался с них в пользу пострадавшего либо его родственников [5, с. 40]

Практически все дела, рассмотрение которых осуществлялось по адату, завершались, если решение выносилось в пользу пострадавшего-истца, уплатой штрафа, размер которого определялся в зависимости от тяжести совершенного проступка. Существовало две основные категории штрафов, которые соответствовали тяжести преступлений, первый из которых – «кун» – назначался за убийство, второй – «айып» – за все остальные преступления. Существовал в соответствии с адатом еще один вид наказания, именованный «барымта». Мы рассмотрим данную разновидность наказания и, соответственно, ответственности более подробно в следующем разделе нашего исследования, поскольку в данной форме ответственности наиболее ярким, по нашему мнению, образом выражалась культурно-цивилизационная специфика кыргызского народа, его представления о справедливости и ответственности. Кыргызы, не имея в своем распоряжении государства, должны были использовать те средства восстановления справедливости,

которыми реально располагали. Барымта, собственно, и был одним из таких, наиболее эффективных средств, инструментов, который возник еще в древние времена и существовал вплоть до 30-х годов XX века, т.е. еще в советский период истории, в первые его десятилетия.

Возвращаясь к формам наказания и ответственности, определяемых по адату, следует обратить внимание на то, что по причине чрезвычайно низкой развитости товарно-денежных отношений в традиционной кыргызской среде практически все штрафы назначались и, соответственно, уплачивались скотом. В этом не было ничего такого, что противоречило бы логике или здравому смыслу, поскольку для всех кочевых сообществ скот был фактически основным средством их существования. Поэтому в отсутствие развитых товарно-денежных отношений скот, являвшийся основой благополучия, практически играл роль денег вразличного рода судебных разбирательствах. Одним из результатов многовековой судебной практики, опиравшейся на жизненный опыт и здравый смысл, стало то, что, в конце концов, были установлены более или менее устойчивые размеры штрафа. Хотя в зависимости от обстоятельств размеры штрафа могли меняться. Однако к началу XX века кража скота влекла наказание в виде айыпа размером 9 голов соответствующего скота за каждую похищенную единицу. Убийство человека, как мы уже указывали, также влекло ответственность в виде штрафа, который убийца должен был предоставить в виде скота [11, с. 27].

В настоящее время такая форма наказания за убийство может вызвать недоумение и внутренний протест, поскольку наиболее состоятельные члены рода или племени могли совершать преступления, включая такое, как убийство, против своих соплеменников в определенном смысле безнаказанно. Однако это ложное впечатление. Родившись внутри локальной общины, в которой все ее члены знали друг друга, и, проживая всю свою жизнь в ее пределах, даже состоятельные люди серьезно зависели в психологическом плане от общественного мнения. Ответственность, таким образом, в традиционной кыргызской общине была связана не только с теми или иными

репрессивными мерами, но и с созданием определенной нравственно-психологической атмосферы неуважения, презрения и даже ненависти вокруг лица, совершившего преступление, которая могла быть совершенно невыносимой для него. Такое наказание по степени причиняемых мучений могло быть намного сильнее, чем любое другое, поскольку члены общины в силу множества причин, находясь в тесной психологической и нравственной связи, очень сильно зависели друг от друга именно в нравственно-психологическом плане.

### Литература

1. Абрамзон, С.М. Вопросы этнической истории киргизской истории [Текст] / С.М. Абрамзон // Кыргызы: Источники, история, этнография / Сост. О Караев, К. Жусупов. – Бишкек, 1996. – 524 с.
2. Абрамзон, С.М., Потапов, Л.П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) [Текст] / С.М. Абрамзон, Л.П. Потапов. – М.: СЭ, 1975. – № 6. – С. 28–41.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права [Текст] / С.С. Алексеев // В 2 т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – 361 с.
4. Бартольд, В.В. Киргизы (исторический очерк) [Текст] / В.В. Бартольд. – Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1927. – 57 с.
5. Кожоналиев, С.К. Обычное право кыргызов [Текст] / С.К. Кожоналиев / Вступ. ст. Т. К. Чоротегина. – Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2000. – 332 с.
6. Койчуев, Т.К. Проблемы становления демократии в постсоветском обществе [Текст] / Т.К. Койчуев // Общество и экономика. – 1999. – № 34. – С. 161–174.
7. Массон, В.М. Политогенез степных обществ и кочевые империи [Текст] / В.М. Массон // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 100–112.



8. Молдобаев, И. Идеи о государственности кыргызов в эпосе «Манас» [Текст] / И. Молдобаев // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. – Б.:АРХИ, 2003. – С. 284–293. – С. 291.

9. Мукамбаева, Г.А. Манас и право [Текст] / Г.А. Мукамбаева. – Бишкек, 2003. – 336 с.

10. Проблемы политогенеза кыргызской государственности [Текст]. – Б.:АРХИ, 2003. – 480

11. Сатыбеков, С.С. Гражданское судопроизводство в Кыргызской ССР [Текст] / С.С. Сатыбеков. – Фрунзе: Илим, 1987. – 190 с.

12. Синицына, И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. (История изучения. Кодексы обычного права) [Текст] / И.Е. Синицына. – М.: Наука, 1978. – 286 с.

### **Literature**

1. Abramzon, S. M. Questions of the ethnic history of the Kyrgyz history [Text] / S. M. Abramzon // Kyrgyz: Sources, history, ethnography / Comp. O Karaev, K. Zhusupov. - Bishkek, 1996. - 524 p.

2. Abramson, S. M., Potapov, L. P. Narodnenovine as one of the sources for the study of ethnicity and social history (on the material of Turkic-speaking nomads) [Text] / S. M. Abramson, L. P. Potapov. – М.: FE, 1975. – No. 6. – P. 28-41.

3. Alekseev, S. S. General theory of law [Text] / S. S. Alekseev // 2 t. – М.: Legal literature, 1981. – Vol. 1. – 361 p.

4. Barthold, V. V. Kirghiz (historical essay) [Text] / V. V. Barthold. - Frunze: Kirghiz State Publishing House, 1927. - 57 p.

5. Kozhonaliev, S. K. Customary law of the Kyrgyz [Text] / S. K. Kozhonaliev / Intro. art. T. K. Chorotegina. Bishkek: Soros-Kyrgyzstan Foundation, 2000, 332 p.

6. Koichuev, T. K. Problems of the formation of democracy in post-Soviet society [Text] / T. K. Koichuev // Society and Economy. - 1999. - No. 34. - pp. 161-174.

7. Masson, V. M. Politogenesis steppe societies and nomadic Empire [Text] / V. M. Masson // Problems of politogenesis Kyrgyz statehood. – B. ARCH, 2003. – P. 100-112.
8. Moldobaev, I. the idea of the state of Kyrgyz epic "Manas" [Text] / I. Moldobaev // Problems of politogenesis Kyrgyz statehood. – B. ARCH, 2003. – P. 284-293. – P. 291.
9. Mukambaeva, G. A. Manas and the right [Text] / G. A. Mukambaeva. - Bishkek, 2003. - 336 p
10. Problems of the political genesis of the Kyrgyz statehood [Text]. - B.: ARCHI, 2003 – - 480
11. Satybekov, S. S. Civil proceedings in the Kyrgyz SSR [Text] / S. S. Satybekov. - Frunze: Ilim, 1987. - 190 p.
12. Sinitsyna, I. E. Custom and customary law in modern Africa. (History of the study. Codes of customary law) [Text] / I. E. Sinitsyna. - M.: Nauka, 1978 – - 286 p.